

Н. Д. СТАРОСЕЛЬСКАЯ

«УЧИТЬСЯ У РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

(Ф. М. Достоевский в творчестве Оэ Кэндзабуро)

В одном из интервью известный японский писатель Оэ Кэндзабуро говорил, что настоящая литература, по его мысли, «показывает человеку, какую ответственность он должен нести перед обществом и миром. В этом смысле литература никогда не утратит своего значения». ¹ Это было в 1973 г., задолго до создания тех романов, которые мы называем сегодня программными в творчестве японского прозаика. Сейчас, когда эти романы опубликованы, приведенные слова воспринимаются глубже, объемнее. За ними встает четко выраженная тенденция, проявившаяся во всем творчестве Оэ.

Оэ Кэндзабуро приобрел широкую известность в середине 50-х г., когда, еще будучи студентом Токийского университета, напечатал свои первые рассказы — «Высокомерие мертвецов» и «Содержание скотины» (второй из них удостоен высшей литературной награды Японии — премии Акутагава Рюноскэ 1958 г.). Уже в этих небольших произведениях выявилось влияние Достоевского, уроки которого Оэ осмыслил и развил необычайно интересно. Идеи и образы великого русского писателя сыграли для творчества Оэ значительную роль, выявив одновременно и его яркую самобытность, и связи с европейской культурой, и особое преломление европейской культурной традиции в собственных поисках. Оэ наследовал от Достоевского тот принцип исследования человеческой души, о котором точно писал В. Д. Днепров: «В отличие от других реалистов XIX века, Достоевский меньше сосредоточивается на определении личности условиями жизни и средой, а больше — на ее попытках прорвать круг этих условий и самостоятельно решать проклятые вопросы человеческого бытия. Социальное изображается не столько в моменте страдательности, сколько в моменте активности, отношения между коллективностью и индивидуальностью сдвинуты в сторону индивидуальности <...> Зависимость и обусловленность личности историческим потоком, который ее несет, трагически обнаруживается, когда личность берет на себя решение больших нравственных и духовных вопросов времени». ²

Для поколения Оэ Достоевский явился именно проповедником идеи самостояния личности, одним из важнейших творческих ориен-

¹ Кэндзабуро Оэ. Я и мои книги // Лит. газ. 1973. 11 июля, № 28. С. 15.

² Днепров В. Идеи. Страсти. Поступки. Л., 1978. С. 4.

тиров в смутное, тягостное время краха всех прежних устоев. Но прежде чем мы проследим вехи влияния русского писателя, обратимся к самой действительности послевоенной Японии, в которой прозвучал голос этого поколения.

Иллюзия, что быстрыми темпами складывается в Японии процветающее общество, основанное на принципах мира, свободы и справедливости, рассеивалась в начале—середине 50-х гг. буквально на глазах. Все чаще и тревожнее начинали звучать ноты неприятия действительности, настроения разочарования, неверия в будущее, откровенного скепсиса. В литературе появился герой, о котором справедливо пишет Н. И. Чегодарь: «...ненавидящий прошлое милитаристской Японии, с болью наблюдающий симптомы его возрождения, но не умеющий предотвратить это возрождение. Этого героя мучит мысль о том, что жертвы, принесенные в годы войны, были напрасны, а страдания людей забыты. От сознания собственного бессилия он становится сторонним наблюдателем исторического процесса, но не его деятельным субъектом <...> Герой стремится найти свое место в мире, его мучит ощущение своей ненужности <...> Человек становится частью гигантской системы специализации и не в состоянии проявить себя как творческая личность. Так возникает в литературе этого периода тема одинокого, отчужденного от общества человека».³

Эта тема, как известно, стала одной из важнейших в современной японской литературе, которая для советского читателя ассоциируется в первую очередь с именами крупнейших представителей послевоенного литературного процесса — Абэ Кобо, Кайко Такэси, Оэ Кэндзабуро. Говоря о влиянии Достоевского, которое в разной мере было испытано каждым из них, мы выделяем именно Оэ как открывателя принципиально нового видения мира и человека. Здесь уроки великого русского писателя чувствуются особенно глубоко.

«Каким огромным открытием для меня, проведшего детство в глухой провинции времен войны, в горной деревушке, отрезанной от всего мира, был Достоевский!» — писал Оэ в «Письме японца, учившегося у русской литературы» (1977). Можно, разумеется, сомневаться, мог ли мальчик понять Достоевского. Скорее всего, ему удалось уловить всего лишь один-два наиболее простых голоса из полифонии Достоевского, о которой писал Бахтин. Но это был подлинный голос Достоевского. «Из „Братьев Карамазовых“ я выбрал эпизод об Алеше и детях и сам выпустил книжку „Братья Карамазовы“ для детей“. Это была первая в моей жизни литературная работа, и я с гордостью вспоминаю о том, что эта книжка пользовалась огромной популярностью среди моих приятелей — ребят из нашей горной деревушки.

С тех пор Достоевский стал одним из самых необходимых мне писателей...»⁴

³ Чегодарь Н. И. Человек и общество в послевоенной японской литературе. М., 1985. С. 139.

⁴ Кэндзабуро Оэ. Объяли меня воды до души моей: Роман. Рассказы. М., 1978. С. 19, 20.

«Голос», услышанный Оэ в полифонии Достоевского, стал со временем голосом самого японского писателя, с неподдельной болью заговорившего о страданиях детей, о ломке неустоявшегося мироощущения и — как результат — перерождении личности в антигероя. Пристально прослеживает Оэ путь своих персонажей от раннего жизненного потрясения до осознанного взрослого предательства (подобно герою романа «Опоздавшая молодежь», последовательно предающему во имя политической карьеры своих друзей, многие герои Оэ становятся с течением времени предателями в прямом смысле этого слова) и — это случается в его романах и рассказах нередко! — до понимания собственного духовного распада.

В этом смысле рассказ «Содержание скотины» представляет для нас особый интерес.

Как уже отмечалось, Оэ принадлежит к поколению, трагически пережившему день подписания окончательной капитуляции — 15 августа 1945 г., когда, по выражению классика японской литературы Миямото Юрико, «безмолвие охватило всю Японию, и в этой томительной тишине история беззвучно переворачивала большую страницу <...> истекли последние минуты той жестокой драмы, которая принесла столько горя множеству людей».⁵

Здесь запечатлено переживание зрелого человека, знавшего истинную цену лозунгам о «духе Ямато», о процветающей империи. Что же касается подростков, — для них все обстояло совершенно иначе; в романах Кайко Такэси «Горькое похмелье», Го Сидзуко «Реквием», Оэ «Опоздавшая молодежь» слышатся отзвуки подлинной трагедии молодежи, подростков, внезапно ощутивших, как поздно они родились, как непоправимо опоздали соединить свою судьбу с теми, кто отдавал жизнь за императора. Но если герой «Опоздавшей молодежи» (1960—1962) выносит себе и своему поколению суровый приговор: «Я самый настоящий отброс...»,⁶ то подросток из рассказа «Содержание скотины» (1958) говорит о том, что он оказался вместе со всеми жителями деревни «ввергнутым в войну» и затертым «в ее толчее».⁷

На наш взгляд, в подобном уточнении оценок и последующем их переосмыслении отчетливо пробиваются «голоса» из романа «Братья Карамазовы». Вспомним трагедию Илюши Снегирева, которая не могла не оставить глубокого следа в душе юного писателя, делавшего свою первую литературную работу — книжку «„Братья Карамазовы“ для детей». Здесь не было и следа иллюстративности: Оэ окружала совсем иная реальность, и она требовала не механического усвоения, но переосмысления уроков Достоевского.

Как Илюша Снегирев «исследовал» глубину душевной боли в момент унижения отца, когда Дмитрий Карамазов тащил Снегирева из трактира за «мочалку», а мальчик бежал за ними, целуя мучителю руки и моля о пощаде, так и герой-подросток Оэ прозрел

⁵ Миямото Юрико. Повести. М., 1957. С. 129.

⁶ Кэндзабуро Оэ. Опоздавшая молодежь. М., 1973. С. 99.

⁷ Кэндзабуро Оэ. Объяли меня воды до души моей. С. 365.

истину о жизни в тот самый момент, когда пленный негр, вчерашний его товарищ, попытался укрыться от удара топора телом своего маленького друга. Оба мальчика одинаково потрясены жестокостью, безнаказанностью взрослых. От подобных столкновений с большим миром они взрослеют, ощущая свою мгновенную и уже вечную причастность к тому, что происходит вокруг.

Илюша Снегирев умирает. Герой Оэ остается жить и в следующих произведениях перерождается в антигероя. Таким образом тема искалеченного детства проводится писателем дальше, в юность и взрослую жизнь своих героев. Японский прозаик следует по пути, указанному русским писателем. Однако самое существенное внимание уделяет он моменту перехода из одного состояния в другое. Мы наблюдали это в рассказе «Содержание скотины», но четко определить сущность перелома в сознании подростка, испытавшего первое потрясение, Оэ смог лишь позже, в романе «Опоздавшая молодежь».

Первая часть романа завершается драматически: узнав о том, что война закончилась, Япония разгромлена, а император повелел сложить оружие, подросток охвачен ужасом и гневом: значит, все жертвы были бессмысленны? Он решает уйти в горы и там с небольшим отрядом одержимых идеей гибели за императора «продолжить войну». Эта авантюра заканчивается крахом: мальчика схватывает полиция, и он оказывается в колонии для трудновоспитуемых подростков. Мысли и чувства ребенка трансформируются в безысходную, поистине трагическую ненависть. «Все японцы — мои враги, — кричит он, — теперь я это понял. Японцы все до одного — мои враги. И я проучу своих врагов. Раздену догола и избью. Истопчу. Убью <...> Буду врать, вести себя хитро и докажу, какой я хороший, послушный мальчик. Я теперь все понял. Теперь я никому не доверюсь. Буду предавать, выгадывать для себя одного. Так и буду жить. А когда выйду из колонии, всех вас поставлю на колени. Как Гитлер и Муссолини, я один всю страну поставлю на колени! Вы все мои враги. Все в мире мои враги. Всех врагов доставлю на колени. Заставлю голыми ползать у моих ног!.. Мне не в чем раскаиваться и не за что просить прощения. Я уже не ребенок. И не хочу снова становиться ребенком».⁸

Здесь возникает второй «голос», услышанный молодым писателем у Достоевского: тема «затертого в толчее» жизни подростка под пером японского прозаика трансформируется, преобразовавшись в тему человека, утратившего «самотождественность», «идентификацию». Корни этой темы, ее генезис проявляется со всей очевидностью, когда мы вспоминаем «Братьев Карамазовых».

В главе «Контроверза» Павел Федорович Смердяков излагает собственную точку зрения на муки во имя Христа, и, выслушав аргументы «бульонщика», Федор Павлович Карамазов дает ему точную характеристику: «... вот этакая валаамова ослица думает, думает, да и черт знает про себя там до чего додумается <...> он и

⁸ *Кэндзабуро Оэ. Опоздавшая молодежь. С. 142.*

меня терпеть не может, равно как и всех, и тебя точно так же, хотя тебе и кажется, что он тебя „уважать вздумал“» (14, 122).

Позже, вспоминая историю своих отношений со Смердяковым, Иван Карамазов отметит: стоило ему приблизить лакея к себе, как «начало высказываться и обличаться самолюбие необъятное, и притом самолюбие оскорбленное <...> Смердяков видимо стал считать себя бог знает почему в чем-то наконец с Иваном Федоровичем как бы солидарным, говорил всегда в таком тоне, будто между ними вдвоем было уже что-то условленное и как бы секретное, что-то когда-то произнесенное с обеих сторон, лишь им обоим только известное, а другим около них копошившимся смертным так даже и непонятное» (14, 243). Чувство собственной исключительности, основанное ни на чем, безмерные амбиции, подогреваемые восторженностью Марьи Кондратьевны, — вот тот круг, в котором Смердяков заключен по собственной воле. И его признания в главе «Смердяков с гитарой» перекликаются с мыслями и высказываниями героев второй части романа Оэ «Опоздавшая молодежь»: «Стихи не дело <...> Я бы не то еще мог-с, я бы и не то еще знал-с, если бы не жребий мой с самого моего сыздетства <...> Может ли русский мужик против образованного человека чувство иметь? По необразованности своей он никакого чувства не может иметь <...> Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с <...> В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с <...> Русский народ надо пороть-с...» (14, 204, 205).

По возможности кратко определим суть антигероев Оэ: при всей сложности мотивировок, социальных и психологических, историко-культурных и морально-нравственных нюансов, различий национальной специфики и т. д., — более всего ощутимы в их характерах такие черты, как духовное вырождение, нищета натуры, ущербность личности, стремление во что бы то ни стало «прилепиться» к существующему порядку вещей (отсюда их нередкие попытки сделать политическую карьеру при характерной для них аморфности социальных взглядов). «Умеренность и аккуратность», за которыми кроются поистине гигантские претензии на оригинальность мышления, мировоззрения, гипертрофированное чувство собственного достоинства. Все то, что «в комплексе» создавало когда-то понятие «лакейства». И хотя явных свидетельств тому в художественном и публицистическом творчестве Оэ не содержится, думается, в создании героев подобного типа определенную роль сыграл лакей Смердяков или, по крайней мере, та часть его, которую столь трагически ощущал в себе Иван Федорович Карамазов: «На скамейке у ворот сидел и прохлаждался вечерним воздухом лакей Смердяков, и Иван Федорович с первого взгляда на него понял, что и в душе его сидел лакей Смердяков и что именно этого-то человека и не может вынести его душа» (14, 242).

Но не случайно в романе Достоевского все распределено таким образом, что Ивану является черт, а Смердякову — бог. Смердяков, атеист по самому своему существу, слушая речи Ивана Федоровича, все больше и больше убеждается в том, что бога нет, что все позволено, что человек необыкновенный от рождения (а на таких людях, как объяснял Порфирию Петровичу Раскольников, никаких особых знаков нет, есть лишь самоощущение) должен утвердиться любой ценой в своей необыкновенности, исключительности.

Смердяков видит в Иване Федоровиче личность выдающуюся, всячески старается обратить на себя его внимание и глубоко уязвлен тем, что Иван воспринимает его всего лишь как лакея и глупца. Высказывания Карамазова подхватываются лакеем одновременно и как идея, и как возможность доказать свою незаурядность, и как попытка «угодить» Ивану, неразрывно связав себя с ним узами крепче братских. Однако как человек абсолютно аморальный, никакими рамками и нормами не сдерживаемый, Смердяков не может предположить и допустить власть над собой такой категории, как совесть. Ему неведомы ее муки и страдания, ею причиняемые.

Достоевский не показывает этого процесса, не разворачивает появления перед Смердяковым «провидения», бога потому, что для этого человека никакое «восстановление» невозможно. Для него рухнуло все: и идея вседозволенности, и исключительность личности «бывшего смелого человека», Ивана Федоровича Карамазова. Обнажилась иллюзорность собственного величия и возможности единения с кем бы то ни было. Это крушение и добывает Смердякова.

В. Г. Одинокоев справедливо обратил внимание на то, что Достоевский отмечает «парадоксальную трансформацию тезиса „свобода личности“, превратившуюся в свободу насилия».⁹ Отсюда — исключительный интерес писателя к «нравственному закону», составляющему, по мысли Достоевского, основу основ личностной свободы и — шире — духовного потенциала личности.

Оэ отчетливее многих современных японских писателей усвоил именно этот урок Достоевского; он вершит суд над своими героями с позиций «нравственного закона». Так осужден писателем его «опоздавший» герой, мечтающий сделать политическую карьеру, прорваться к власти, — и все средства хороши для него во имя достижения цели. Он совершает предательство за предательством, приходя в финале романа к констатации морального падения всего поколения «опоздавших»: «Как и предсказывал политик, я, видимо, уже не скажу обществу „нет“ и буду тихо и спокойно ждать... Но это будет уже не мое время, а время кого-то другого во мне.

«. . .) Я не герой, пробуждающий пыл людских сердец, и не душеприказчик опоздавшего поколения. Я такой же, как ты».¹⁰

И если в романе «Опоздавшая молодежь» Оэ более прочего интересовал процесс перерождения личности и «завязь» философии

⁹ Одинокоев В. Г. Художественная системность русского классического романа. Новосибирск, 1976. С. 177.

¹⁰ Кэндзабуро Оэ. Опоздавшая молодежь. С. 341.

антигероя, в последующих произведениях писателя мы встречаемся уже с детальной разработкой характера и мирозерцания подобного типа. Иное значение приобретает с годами и тема искаленного детства, «затертости в толчее».

Выводя проблему «затертости» целого поколения не из условий «случайных семеек», а из тех условий, которые созданы ложной государственной установкой (здесь ни в коем случае нельзя забывать о том, что означает для подчиненного «коллективному сознанию» японца идея государственности!), Оэ проводит мысль дальше. Созданные в 70-е гг. романы «Объяли меня воды до души моей» (1973) и «Записки пинчраннера» (1976) фактически принадлежат той же теме и дают богатейший материал для сопоставления с романами «Братья Карамазовы», «Бесы», «Подросток», «Идиот».

Здесь мы подходим к неиссякаемой теме переосмысления уроков не только Достоевского, но всей русской литературы второй половины XIX столетия, теме реальной жизни русской классики в наше время в системе ценностей другого народа. В настоящей работе мы остановимся только на том, как «отозвался» роман «Братья Карамазовы» в творчестве Оэ 70—80-х гг.

Прежде чем перейти к романам «Объяли меня воды до души моей» и «Записки пинчраннера», необходимо кратко остановиться на предшествующих им произведениях — романе «Футбол 1860 года» (1967) и рассказе «Небесное привидение Агу» (1964), в которых впервые появляется один из ключевых образов философии и поэтики Оэ — от рождения неполноценный ребенок. Нам представляется, что этот образ в творчестве Оэ обусловлен преемственностью от Достоевского. Хрестоматийная фраза русского писателя о «слезинке ребенка», о замученном, «черном от черной беды» младенце из сна Мити Карамазова реализуется в творчестве Оэ как мотив непоправимой вины общества. Но об этом — несколько ниже.

«Футбол 1860 года», справедливо отмечал В. С. Гривнин, «это жестокая, бескомпромиссная книга о гибели человека, для которого люди не цель, а средство достижения цели. Попирая интересы людей, стоя над людьми, утверждает Оэ, человек не достигнет ничего, его успехи всегда будут эфемерны, преходящи <...> Автор сталкивает два мировоззрения: утверждение в жизни вопреки людям и утверждение в жизни во имя людей. Носителями этих двух взаимоисключающих жизненных позиций выступают братья».¹¹

Подобная ситуация не просто знакома читателю, но по праву вошла в мировую литературу коллизией, философской параболой «Братьев Карамазовых».

Фамилия братьев — Нэдокоро многозначна и символична для японского читателя. Нэдокоро — это глубинный пласт почвы, где приживаются корни, откуда берет растение соки, необходимые для жизни. Тот единственный источник, что питает духовные силы человека, формирует его и к которому возвращаются с желанием восстановить утраченное, найти себя или, пользуясь словами Достоев-

¹¹ См.: Кэндзабуро Оэ. Футбол 1860 года. М., 1983. С. II.

ского, отыскать «в человеке человека». Самоубийство младшего брата в финале романа — единственный итог, к которому приходит антигерой, осознавший, как далеко завела его идея вседозволенности, какими страшными утратами оборачивается пренебрежение к людям, прикрываемое словами заботы о них.

Духовная неустроенность персонажей Оэ легко их перемещает то в стан ультраправых, то в ряды ультралевых. Чаще всего, еще детьми примыкая к какому-либо движению, они не отдают себе отчета в сути явления. Их ведет протест — против всех и вся, против своего прошлого и своего будущего; и протест этот сродни чувству Алеши Карамазова, готового есть колбасу, пить водку и даже идти к «инфернальнице» Грушеньке оттого, что после смерти старца Зосимы не произошло никаких чудес.

Японский критик Адзуса Накадзима отмечал в одной из своих статей, что без глубокого изучения творчества Оэ невозможно проникнуть в сущность литературного процесса в Японии, так как этот писатель сыграл выдающуюся роль в становлении послевоенной литературы.¹² Думается, подобная оценка в значительной мере относится к тому периоду творчества Оэ, который был ознаменован появлением романа «Объяли меня воды до души моей».

В беседе, организованной издательством «Синтёся» после выхода романа в свет, Оэ сказал: «Я неверующий, но Библию читаю, и главным образом потому, что в ней есть слова: „Объяли меня воды до души моей“. Действительно, воды потопа, огромного потопа, который может привести к концу света, уже дошли нам до уровня груди, и помочь не может никто».¹³ Спасти себя должны сами люди.

Объясняя, почему он дал своему роману заглавие, почерпнутое из Библии, Оэ еще более точно выразил свою мысль в разговоре с критиком Ватанабэ Хироси: он сказал, что его поразила мысль о короткой человеческой памяти, о неумении и нежелании извлекать уроки, живой опыт из собственного прошлого. Чему научил человека, например, опыт Хиросимы, не говоря о великом потопе, уничтожившем землю? Для писателя эти события сближаются мыслью об уроках памяти и рождаемой ими ответственности: только это и может стать залогом предотвращения катастрофы.

Если мы вспомним «Книгу пророка Ионы», из которой взята цитата, давшая заглавие роману Оэ, перед нами возникнет совершенно определенный контекст — молитва пророка из чрева поглотившего его кита вырывается в момент наивысшего напряжения всех душевных и физических сил, на пороге гибели: «Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня...». И следом за молитвой наступает возрождение Ионы, возвращающегося в мир, к людям, которым пророк должен нести правду.

Думается, приобщение писателя ко многим традициям европейской культуры шло отчасти и через Достоевского, которого Оэ изучал глубоко и поистине творчески. Не в последнюю очередь ка-

¹² См.: Гундзо. 1978. № 9. С. 229—230.

¹³ Цит. по: *Кэндзабуро Оэ*. Футбол 1860 года. С. 14.

сается это изучение и выработки «нравственного закона» в душе человека. Не как пекая данность, а как определенный путь, как движение личности к духовному перерождению существует и функционирует «нравственный закон» в пространстве романов Оэ. Эта черта — родственная поэтике Достоевского.

Особенно отчетливо прослеживается линия суда над героями именно с позиций «нравственного закона» в романе «Объяли меня воды до души моей».

В критике отмечалось, что это произведение является первым романом японского писателя, в котором столь незашифрованно декларируется связь с идеями Достоевского и даже видится порой некий параллелизм. В своих устремлениях и бунтарских настроениях подростки Оэ заставляют вспомнить и об Аркадии Долгорукове, и о мальчиках из «Братьев Карамазовых»; Инаго в некоторых эпизодах отчетливо напоминает «инфернальниц» Достоевского, а иногда и Нелли из «Униженных и оскорбленных»; фоторепортер Короткий, болезненно увлеченный образами «Идиота», порой разительно похож на Парфена Рогожина. Эпизод, в котором Исана рассказывает о совершенном им когда-то преступлении — убийстве ребенка в угоду развращенному политику, возвращает к исповеди Николая Ставрогина. Наконец, «Поучения старца Зосимы» использованы в романе «Объяли меня воды до души моей» по своему прямому назначению: Исана не случайно выбирает именно эти тексты для обучения подростков английскому языку, он хочет и отчасти становится для них учителем, советчиком, даже старцем в том смысле слова, в котором употребляет его в романе Достоевский: «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли. Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней» (14, 26; выделено мной. — Н. С.).

В «Союзе свободных мореплавателей» Исана отведена особая роль — «специалиста по словам», и единственно убедительные аргументы, которые находит он для своих подопечных, это поучения старца Зосимы. В них Исана ищет то живое, естественное слово, которое способно «войти» в подростков и необходимо им в неравной борьбе с обществом.

В «Братьях Карамазовых» множество эпизодов, посвященных описанию страданий детей. Так, старец Зосима высказывает твердую уверенность в том, что «не будет же сего, иноки, да не будет истязания детей» (14, 286). Старец и Иван Федорович Карамазов, говоря о несправедности сего мира, как можно заметить, пользуются одним и тем же аргументом. У Ивана он звучит неоспоримо не

только в силу того, что он подробно, натуралистично рисует чудовищные картины истязаний, но и потому, что никаким грядущим искуплением, никакой гармонией не оживить затравленного собаками мальчика или потянувшегося к турецкому дулу младенца. Потому еще, что оставшиеся в живых пятилетняя девочка, призывавшая «боженьку», и десятки, сотни искалеченных с детства девочек и мальчиков унесут в жизнь неизгладимое воспоминание о своих ранних годах, в которых не было «солнца, детских игр., светлого примера и хоть капли любви» (14, 286). Почти неизбежно разовьются в них «подпольная» озлобленность, ожесточенность, отрицание. И — как следствие — трагическое одиночество.

Этот процесс и изображает в своем романе Оэ, обращаясь к поведению и психологии подростков, отвергнутых обществом и отвергнувших общество. Их детские годы остаются за рамками повествования, нам удастся лишь отрывочно узнать о некоторых подробностях дороманной биографии далеко не каждого из тех, кто объединился в «Союзе свободных мореплавателей». Но о многом позволяет догадаться философский контекст романа Оэ, открыто ориентированный на «Братьев Карамазовых».

В творчестве японского писателя понятие подростка носит характер подчеркнуто условный. В традиции русской литературы (в первую очередь у Л. Толстого и Достоевского) подросток выступал всегда как определенный тип, психологическое состояние личности, сложная возрастная категория, когда добро и зло, романтика и трезвость понимания жизни выступают во всей своей противоречивости и непредсказуемости. В романе Оэ этим понятием соединены почти двадцатилетние Тамакити и Инаго, сорокалетний фоторепортер Короткий, мальчик Бой; наконец, к ним примыкает Исана — странный человек, искупающий затворничеством в атомном убежище совершенное некогда преступление и вину перед сыном, неполноценным от рождения. Таким образом, люди разного возраста, развития, опыта и т. д. уравниваются писателем в некоей расплывчатой, лишенной четких границ категории: все они — подростки, потому что в равной степени живут одной идеей, идеей разрушения. И, думается, здесь тоже сказалась традиция Достоевского.

Вспомним записи Достоевского к «Подростку», сделанные в феврале 1874 г., где будущий роман характеризуется как «роман о детях, единственно о детях и о герое-ребенке» (16, 5). В планах писателя содержится такое описание: «Заговор детей составить свою детскую империю. Споры детей о республике и монархии <...> Дети — развратники и атеисты» (16, 6). Несколько позже, в августе 1874 г., как отмечено в комментарии к «Братьям Карамазовым», появляется определение темы как темы отцов и детей, мысль об «ораве детей», «советник и руководитель» которых Федор Федорович — «идиот» (15, 406; 16, 9).

А среди заготовок к неосуществленному замыслу в записной тетради 1875 г. встречаем такую заметку: «Дети. Мучения детей («Что ж ты не помог?»)» (21, 263).

Разумеется, мы далеки от мысли приписывать Оэ филологически точное знание записей и черновиков Достоевского. Скорее всего, произошло объективное совпадение, predetermined внимательным чтением «Братьев Карамазовых» и глубоким осмыслением коллизий романа русского писателя, так неожиданно и сильно преломившихся в японской действительности 70-х гг. XX в. Мы можем только догадываться, каким образом это произошло, но факт остается фактом: роман «Объяли меня воды до души моей», напрямую касающийся сегодняшней жизни Японии и проблем японской молодежи, включает тот же круг вопросов, что и приведенные записи Достоевского.

Подростки встали на путь преступления из ненависти к обществу — бездуховному, выродившемуся, переставшему ощущать свой распад. «Дети инстинктивно мстят за прерванную традицию нравственности, — писала Т. П. Григорьева, предваряя русское издание романа Оэ, — без которой немислимо человеческое существование. Им смешны материальные блага, поработившие взрослых, они их ни во что не ставят, они против них взбунтовались, им доставляет удовольствие их разрушать. Подростки ненавидят невидимый панцирь, в который замурован человек <...> Подростки потому и привязались к Исана <...> они инстинктом почувствовали в нем близкого им человека, способного к непосредственному переживанию».¹⁴

Собственно, как мы уже отмечали, подростком в прямом смысле слова является лишь один из «свободных мореплавателей» — Бой. Он «был моложе остальных подростков, и если бы не будущий дальний морской поход, ради которого он жил и который символизировал его самоутверждение, то он с готовностью умер бы, — и воспринял бы смерть как нечто совершенно естественное».¹⁵ Моложе и слабее многих, Бой решительнее в своих действиях, последовательнее в ненависти и непримиримости. Однако есть в этом герое-подростке нечто, позволившее японскому исследователю Кунимацу Нацуки с полным основанием сказать: «Боя также приводит в восхищение, вызывает в нем те же эмоции, что и у слабоумного Дзина, голос Исана. Все мелкое и крупное столь же отчетливо запечатлевается в его сознании. Благодаря умению Исана проникнуть в глубь души подростка Бою удастся примириться с ним, но посредником в этом процессе выступает Дзин...».¹⁶

Итак, здесь возникает проблема отчуждения вследствие социальной неполноценности, получившая в творчестве Оэ, а также целого ряда японских писателей второй половины XX в. острейшее современное звучание, — и для нас нет сомнений в том, что возникла эта тема в современной литературе, значительно обогатив ее, благодаря тому мощному импульсу, который исходит от Достоевского.

Оэ пошел дальше иных японских прозаиков, продвинулся зна-

¹⁴ См.: *Кэндзабуро Оэ. Объяли меня воды до души моей*. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 156.

¹⁶ *Кунимацу Нацуки. Досутоэфуски то Оэ Кэндзабуро (Достоевский и Оэ Кэндзабуро)* // *Досутоэфуски-но кай*. 1976. 28 септ., № 43. С. 139.

чительно глубже в переключке с идеями Достоевского. Размышляя о социальной неполноценности, писатель обратился к одной, быть может, из самых трагических ее разновидностей — к умственной отсталости детей, свидетельствующей, по его мысли, об утрате живых, непосредственных связей человека с природой, человека с человеком, о неестественности жизненных норм, порождающих либо неполноценность, либо иную крайность: комплекс «сжимания», «сокращения». Эта черта проявляется у фоторепортера Короткого, стремительное психологическое «сжимание» которого сигнализирует о бедствии, о невозможности «найти в человеке человека», т. е. о постепенной и невозполнимой утрате личностью всех нравственных критериев, «нравственного закона».

Впервые, как отмечалось выше, умственно неполноценный герой-ребенок появился у Оэ в рассказе «Небесное привидение Агу» и в романе «Футбол 1860 года». Там функции маленького героя ограничены, но философски и психологически определены весьма убедительно; такова расплата взрослых за утрату «нравственного закона», за равнодушие к человеку и человечеству, за попытку прожить свою жизнь «в стороне», вяло и бездейственно. Иное — в романе «Объяли меня воды до души моей». Здесь сын Исана — Дзин — выступает символом человечности, расплаты героя за преступление и прерванную нравственную традицию, но и символом начинающегося возрождения через единение с «отверженными». От сознания трагедии сына и своей вины в ней Исана обратился к душам «самых безвинных» и самых страдающих от человеческого безразличия и потребительства — к душам деревьев и китов: «Я провозгласил себя поверенным деревьев и китов, но я человек, и мне не избежать ответственности перед вами, поскольку я один из тех, кто рубил деревья и истреблял китов <...> Именно поэтому, думаю я, Дзин был именно таким, каким был, и я не мог ничего есть и непрерывно падал и весь в кровоточащих ранах был близок к смерти. Вот почему сознание того, что я, оставив все без ответа, превращусь в ничто, позволит мне обрести безграничную свободу <...> Я жаждал обличать людей в жестокостях, чинимых деревьям и китам. Именно поэтому я обязан проявить свойственную человеческой природе жестокость и показать правильность своих мыслей, которые я лелеял многие годы. Сопrotивляясь, я прибегну к насилию, и мое тело и душа, принадлежащие последнему человеку на земле, взорвутся и, оставив все без ответа, превратятся в ничто».¹⁷ Так завершается трагедия моральной, духовной неполноценности героя романа Оэ.

Маленький Дзин «отвечает» не только за вину своего отца, но и за нравственный крах матери, стремящейся любой ценой занять ключевые позиции в современной политике и во имя этого отрекающейся от собственного ребенка. На наш взгляд, здесь выступает, преломленная современным мировидением, «капитальнейшая», «задушевная» идея русского писателя о страдании ни в чем не по-

¹⁷ *Кэндзабура Оэ. Объяли меня воды до души моей.* С. 323, 324—325.

винного ребенка, чьи слезы призваны искупить человеческую бездуховность и опустошенность. И как не вспомнить над страницами японского романа одно из поучений старца Зосимы, наиболее близкое, пожалуй, Оэ: «...в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей и воистину встречается мысль сия даже уже с насмешкой, ибо как отстать от привычек своих, куда пойдёт сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше» (14, 285).

Мысль эта, проходящая через весь роман Оэ, еще в большей мере реализуется в следующем его произведении — «Записках пинчраннера».

«Поэт или пересоздает жизнь по собственному идеалу, зависящему от образа его воззрения на вещи, от его отношений к миру, к веку и народу, в котором он живет, — писал В. Г. Белинский, — или воспроизводит ее во всей ее наготе и истине, оставаясь верен всем подробностям, краскам и оттенкам ее действительности». Иными словами, по мысли Белинского, причина популярности романа — «в духе времени, во всеобщем и, можно сказать, всемирном направлении» его.¹⁸ Именно так понимает реальное содержание романа, задачи современного романиста и Оэ. «Фантастический реализм» Достоевского принят японским писателем как способ изображения сегодняшнего состояния человека и общества в их неостановимом движении к катастрофе. Существенными представляются те моменты, на которых Оэ акцентировал внимание, начиная с первых своих произведений.

В качестве одного из основных героев снова избран умственно отсталый ребенок Мори, затем — его отец, облучившийся во время аварии на атомной станции физик; некто «писатель-невидимка», отец такого же, как Мори, неполноценного ребенка; автор анонимных писем, укрывшийся под прозвищем «Дохлая Обезьяна», и Могущественный Патрон. Здесь сливаются воедино проблемы нравственные, экологические, общечеловеческие, они создают редкостный по силе образ воплощенного, персонифицированного в образах Могущественного Патрона и деятелей Корпуса лососей Зла, затопляющего весь мир и не встречающего на своем пути никаких преград. Но сквозь все фантазмагорические покровы пробивается живая мысль Достоевского, выраженная особенно отчетливо в его позднем творчестве. На это справедливо обратил внимание японский исследователь Кунимацу Нацуки: «С течением повествования, — писал он, — Мори все больше приближается к князю Мышкину в то время, как его отец все больше вживается в роль Петра Верховенского».¹⁹

¹⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1953. Т. 1. С. 262, 261.

¹⁹ Кунимацу Нацуки. Досутоэфуски то Оэ Кэндзабуро (Достоевский и Оэ Кэндзабуро). С. 140.

Происходит это не только путем фантастического превращения, сделавшего за одну ночь восьмилетнего Мори двадцативосьмилетним (как князь Мышкин) мужчиной, а его отца — юношей. Превращение — лишь одна из многих сложных метафор повествования Оэ; гораздо более существенную роль, на наш взгляд, играет метафора сокращения, движения вспять, найденная и воплощенная Оэ еще в романе «Объяли меня воды до души моей» в образе фоторепортера Короткого.

В упоминавшейся выше беседе с критиком Ватанабэ Хироси Оэ говорил, что вся нелепость, весь трагизм прерванных связей человека с природой и друг с другом ведут человечество по пути регресса: начинается движение вспять, деградация бытия. Этот процесс и предстает перед нами в романе «Записки пинчраннера».

Создавая реальную и в то же время фантазмагорическую картину бытия сегодняшней Японии, Оэ коснулся наиболее трагической формы существования молодежи — левого экстремизма. Над страницами «Записок пинчраннера» словно витает дух «Бесов». Он дает почувствовать себя и в разглагольствованиях руководителей студенческих группировок, и в призывах к братоубийству, а затем и к истреблению родителей как «истинно революционному деянию», и в речах Могущественного Патрона, соблазняющего отца Мори деньгами на изготовление бомбы.

«Мой план <...> связан с идеей ядерного вооружения студентов, — объясняет Могущественный Патрон свою цель. — <...> *Пятьсот миллионов наличными.* Я хочу, чтобы вы употребили эти деньги для ведения работы в студенческих группах, причем должен быть взят курс на слияние заводов обеих групп, изготавливающих атомные бомбы. Ваше дело — купите ли вы на эти деньги обе группы и заставьте их слиться или, наоборот, руками одной уничтожите другую <...> За пять-шесть недель удастся создать атомную бомбу... Затем под руководством тех, кто ответствен за общественную безопасность, при моем содействии *будут арестованы все, кто тайно изготавливал атомную бомбу!*»²⁰

Идеи Оэ облачены в этом произведении в «новые, космические символы», однако это ни в коей мере не умаляет их значимости и актуальности. На что способен сегодня человек, несущий ответственность за состояние мира? — этим вопросом задается японский писатель.

В цитированном «Письме японца, учившегося у русской литературы» Оэ писал: «Мои произведения — это произведения, написанные японцем, и, следовательно, моя задача заключается в том, чтобы создать портрет Японии. Создать портрет Японии и японцев в свете человеческих взаимоотношений в их универсальности — вот к чему я стремлюсь, вот моя главная задача как писателя».²¹

²⁰ Кэндзабуро Оэ. Записки пинчраннера. М., 1983. С. 309, 310 (разрядка моя. — Н. С.).

²¹ Кэндзабуро Оэ. Объяли меня воды до души моей. С. 20.

Думается, эти слова отчетливо характеризуют «Записки пинчраннера», роман, в котором портретные черты Японии сфокусированы столь концентрированно, что перед читателем возникает как бы собирательный портрет современного капиталистического мира. В этом видится еще одно подтверждение того особого значения, которым обладает для японского писателя творчество Достоевского и — шире — русская литература, по выражению А. И. Герцена, всегда являвшаяся «единственной трибуной», с высоты которой народ «заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести».²² Так понимает свое человеческое и писательское назначение и Оэ Кэндзабуро.

²² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956. Т. 7. С. 198.